

Обзоры и аналитика

УДК-004.8:327

DOI: 10.17072/2218-1067-2025-1-130-136

ТЕХНОЛОГИИ ИИ: МЕЖДУНАРОДНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЭФФЕКТЫ, УГРОЗЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

Г. Р. Суфиянова

Суфиянова Гульнур Рафаэлевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений, зарубежного регионоведения и туризма, Тюменский государственный университет, Россия.

E-mail: g.r.sufiyanova@utmn.ru (ORCID: 0000-0002-9020-7771).

Аннотация

Информационно-коммуникационные технологии объективно стали определяющими факторами дальнейшего развития экономики, политики, безопасности, международных отношений. В текущих условиях пристальное внимание мирового сообщества обращено к технологии искусственного интеллекта. В свете современных технологических достижений в области искусственного интеллекта ученые все активнее обращаются к выявлению влияния технологии ИИ на внутреннюю и внешнюю политику государства, международные отношения и мировую политику, последствия использования ИИ в качестве нового инструмента. Если раньше большинство исследований носило скорее технический характер, то последние три-четыре года появилось много работ в рамках отдельных научных дисциплин. Цель статьи – обзор публикаций, в которых авторы задаются вопросом, к каким международно-политическим последствиям и угрозам уже приводят и приведут в будущем технологии ИИ. Анализируются публикации 2023–2024 гг., в которых ИИ-технологии рассматриваются не через технологическую призму, а через призму процессов, имеющих отношение к политической сфере.

Ключевые слова: искусственный интеллект; цифровой суверенитет; технологический суверенитет; суверенитет данных; злонамеренное использование ИИ; большие данные; цифровое противостояние; информационно-коммуникационные технологии.

В свете современных технологических достижений в области искусственного интеллекта ученые все активнее обращаются к выявлению влияния технологии ИИ на международные отношения и мировую политику. При этом они расходятся во мнениях относительно характера влияния ИИ. Часть исследователей считают, что ИИ приведет к радикальным преобразованиям, называют прогресс в ИИ-технологиях глобальной революцией, которая повлияет на наше общество и жизнь сильнее, чем промышленная и цифровая революции вместе взятые (Дефо, 2018; Зиновьева, 2024; Маркидакис, 2017). Другие полагают, что эффекты ИИ будут постепенными, что позволит избежать некоторых из его потенциально дестабилизирующих последствий или по крайней мере подготовиться к ним (Леви, 2018). Третий подчеркивают, что развитие технологий ИИ вряд ли приведет к радикальным, непредвиденным преобразованиям во внутренней политике и международных отношениях, а лишь «ускорит и обострит уже существующие тенденции, а многие из потенциальных последствий ИИ, включая распространение дезинформации, автоматизацию вооружений, неравенство доходов, эрозию либерально-демократических норм и распространения надзорных технологий, не являются уникальными или прямыми последствиями распространения ИИ» (The Oxford Handbook, 2024). Данная статья представляет собой обзор зарубежных и отечественных исследований за 2023–2024 гг., посвященных изучению влияния технологии ИИ на политику и международные отношения.

Искусственный интеллект и мировая политика

Кроме работ, посвященных выявлению международно-политических эффектов, последствий и угроз, вызванных развитием ИИ, появились исследования, авторы которых пытаются ответить на вопрос, требует ли новой теории повсеместное распространение и использование ИИ в международных отношениях и можно ли использовать существующие теории международных отношений для объяснения и получения информации об ИИ в международных отношениях. Б. Ндзенде и Ч. Марвалла (Йоханнесбургский университет) в работе «Искусственный интеллект и теории международных отношений» (2023) вносят вклад в эту дискуссию, исследуя, поставит ли «преобразующее мир развитие ИИ» под сомнение, подорвет или подтвердит ключевые идеи, которые составляют основу теорий международных отношений (Ndzendze & Marwala, 2023: 8).

Авторы начинают с определения основных рамок и парадигм, определяющих сферу международных отношений, предоставляя краткий обзор ее интеллектуальной истории и основные положения либерализма, реализма, конструктивизма, постколониальной теории, феминизма и зеленых теорий. Утверждая, что теория международных отношений исторически «эволюционировала» вместе с крупными событиями и процессами (таковыми авторы называют две мировые войны, холодную войну, деколонизацию, глобализацию, теракт 11 сентября, климатические изменения), ученые пытаются ответить на вопрос, может ли «эпоха ИИ» повлиять на теоретические основы международных отношений.

Б. Ндзенде и Ч. Марвалла приходят к выводу, что технологии ИИ действительно влияют на уровень конфликтности в современном мире. В перспективе ИИ станет частью обоснования баланса сил. Восприятие ИИ как ценного инструмента достижения экономической и военной мощи стимулировало конкуренцию за эту технологию, что стало причиной начала «гонки ИИ-технологий». Либеральные демократические государства рискуют стать похожими на автократии, что связано с распространением технологий наблюдения и надзора, а «демократия и искусственный интеллект, по-видимому, имеют отрицательную корреляцию друг с другом» (Ndzendze & Marwala, 2023: 76). При этом технологические гиганты, ответственные за разработку самых передовых приложений искусственного интеллекта, играют все более важную роль в глобальной политике. В заключении авторы делают вывод, что ни одна парадигма не может всесторонне охватить последствия ИИ для международного экономического и политического порядка.

Использование цифровых инструментов в дипломатической практике является предметом изучения как российских (Н. Цветкова, А. Сытник, И. Сурма), так и зарубежных авторов (Ф. Румейт, К. Бьола, И. Манор). Специалисты отмечают, что ИИ могут автоматизировать задачи, более эффективно выявлять закономерности и предоставлять информацию в реальном времени, повышая эффективность принятия решений. Базовые технологии и алгоритмы, лежащие в основе ИИ, так или иначе, уже используются государствами в самых различных областях: от военного планирования до торговых переговоров. В то же время они усугубляют риски, конкуренцию и напряженность между странами.

А. Арсо и С. Крепс, соавторы коллективной монографии «The Oxford Handbook of AI Governance» (2024), связывают с развитием и распространением ИИ целый ряд негативных эффектов и последствий. Одно из них – усиление авторитарных тенденций в мире. Причиной этого может стать предвзятость и непрозрачность принимаемых с помощью ИИ политических решений. Исследователи называют это явление проблемой «черного ящика», когда решения, принимаемые с использованием ИИ, становятся закрытыми. Распространение ИИ может также подорвать либерально-демократические ценности свободы собраний и слова в силу распространения технологий наблюдения и привести к «цифровому авторитаризму» во всем мире. Даже в демократических странах интеграция этих технологий в конкретные секторы, особенно в полицию, судебную систему и другие сферы, может привести к нарушению либерально-демократических норм и конфиденциальности. Второе негативное последствие – распространение дезинформации. Несмотря на то, что дезинформация не новое явление, благодаря технологиям ИИ дезинформационные кампании теперь становятся «более точными, управляемыми и дестабилизирующими» (The Oxford Handbook..., 2024: 962). Третье – усиление конфликтности. В настоящее время ИИ все чаще воспринимается как индикатор статуса и мощи государства, что уже спровоцировало глобальную гонку вооружений. Доступ к этой технологии имеет приоритет над безопасностью и созданием разумных ограничений на ее использование, что, в свою очередь, приведет к усилению конфликтности и увеличению вероятности военной эскалации. Кроме того, внедрение возросшей автоматизации и искусственного интеллекта в военное дело поднимает важные моральные и правовые вопросы, проблемы атрибуции и ответственности и прочие, которые требуют международных договоренностей и сотрудничества.

Злонамеренное использование искусственного интеллекта

Влиянию технологии ИИ на информационно-психологическую безопасность посвящена коллективная монография «The Palgrave Handbook of Malicious Use of AI and Psychological Security» под редакцией Е. Н. Пашенцева. В работе рассматриваются современные и перспективные угрозы информационно-психологической безопасности, создаваемые как государственными, так и негосударственными акторами посредством технологий искусственного интеллекта. Цель монографии, как отмечают сами авторы, заключается в том, чтобы дать ответ на следующий вопрос: «Почему, как и в какой степени злонамеренное использование искусственного интеллекта (ЗИИИ) угрожает индивидуальной, общественной, национальной и международной психологической безопасности?» (The Palgrave Handbook..., 2023: 6). Авторы вводят трехуровневую систему угроз психологической безопасности (The Palgrave Handbook..., 2023: 33). Угрозы первого уровня связаны с распространением «ложного образа ИИ», умышленно искаженной информации о развитии и последствиях развития ИИ, что может привести к социально-политической напряженности. Второй уровень – это угрозы, связанные с разрушением критической инфраструктуры с использованием ИИ (кибератаки, использование дронов, манипулирование криптовалютой и т. д.). Третий уровень – угрозы, связанные с использованием ИИ с целью манипулирования общественным мнением и сознанием.

Рассматривая уже известные формы и методы целенаправленного психологического воздействия, такие как чат-боты, установление повестки дня, хейт-спич и другие, и методы анализа общественного мнения с помощью ИИ, исследователи описывают возможные траектории развития технологии ИИ и негативные последствия, сценарии ЗИИИ с точки зрения искажения восприятия информации. Авторы подчеркивают опасность развития возможности ИИ распознавать состояние аффекта и способности эмпатии. Несмотря на то, что исследователи искусственного интеллекта продолжают обсуждать пределы интеллекта ботов, в научном сообществе существует консенсус, что боты следующего поколения будут обладать эмпатическими и разговорными способностями, намного превосходящими их текущие итерации, а также способности распознавать и использовать состояние аффекта отдельных индивидуумов, что впоследствии может быть использовано экстремистскими и радикальными организациями.

Особое место авторами отводится технологии дипфейков, поскольку ее использование в злонамеренных целях, по мнению ученых, это реальная угроза информационно-психологической безопасности. В качестве примера приводится несколько кейсов использования этой технологии в рамках политических кампаний, когда дипфейки становятся дополнительным инструментом взаимодействия с аудиторией или приводят к политическим скандалам и кризисам (например, использование избирательным штабом кандидата на пост президента Юн Сок Ёля во время избирательной кампании 2022 г. своего «ИИ-аватара»; ситуация в Конго, когда обращение президента было воспринято оппозицией как дипфейк и в стране была совершена попытка государственного переворота и др.). Как отмечают авторы, последняя президентская кампания в Южной Корее, возможно, отчасти продемонстрировала начальную форму нового метода довольно опасного политического манипулирования. Цифровой кандидат создает образ, с которым реальный кандидат навряд ли сможет конкурировать в публичном пространстве. Опасения авторов обоснованы и подтверждаются новыми кейсами. Скандал разразился в Индонезии в связи с появлением накануне назначенных на февраль 2024 г. президентских и парламентских выборов дипфейк-видео, изображающего покойного индонезийского президента Сухарто, призывающего избирателей голосовать за кандидатов партии «Голкар».

Появление таких дипфейков актуализирует вопрос о юридических последствиях использования таких технологий для политических кампаний страны и проблемы правомерности и этичности технологии. В той же Республике Корея накануне парламентских выборов в апреле 2024 г. были внесены поправки в Закон о выборах госслужащих, которые вводят запрет на производство, редактирование, распространение, показ и публикацию виртуальных звуков, изображений или видеороликов (дипфейк-видео и т. д.), созданных с помощью технологий искусственного интеллекта для избирательных кампаний за 90 дней до дня выборов.

С сожалением авторы отмечают, что, учитывая нынешнюю ситуацию острого геополитического соперничества и сопутствующей психологической войны, было бы наивно ожидать формирования международной системы регулирования использования дипфейков. В то же время следует от-

¹ Кандидат в президенты Южной Кореи отправляет цифровую копию выступать вместо себя (2022) [Электронный ресурс]. CNEWS, 14 янв. URL: https://www.cnews.ru/news/top/2022-01-14_kandidat_v_presidenty_yuzhnoj?ysclid=lo9q73hkd0697042217 (дата обращения: 29.01.2024).

метить, в отдельных странах уже принятые меры по противодействию использованию дипфейков. Первым в мировой регуляторной практике стало вступившее в силу 10 января 2023 г. в Китайской Народной Республике (КНР) Положение об управлении информационными интернет-услугами глубокого синтеза, регулирующее работы систем ИИ, используемых для создания дипфейков. Положение требует маркировки сгенерированного материала заметным знаком, предупреждающим пользователей о том, что материал создан с использованием технологии ИИ. Еще в 2020 г. в КНР было издано Положение об управлении онлайн аудио- и видеонформационными услугами. Оно регулирует аудио- и медиапровайдеров, использующих технологию глубокого синтеза. Кроме того, в 2023 г. в дополнение к Положению 2023 г. был опубликован проект мер по регулированию сервисов генеративного искусственного интеллекта, запрещающий распространение контента, «призывающего к подрыву государственной власти, национального единства, пропаганду терроризма, экстремизма, разжигание этнической ненависти, призывов к насилию, а также распространение непристойной, порнографической или ложной информации». Подобные инициативы осуществляются и в Европейском союзе¹. Распространение дипфейк-контента запрещено законодательством в некоторых американских штатах (Вирджиния, Техас).

Авторы подчеркивают, что целью ЗИИ вне зависимости от уровня (национального / регионального / международного) и сферы использования (экономической / политической / культурной) является получение количественного и все чаще качественного преимущества в информационно-психологическом противоборстве и, как следствие, перераспределение материальных и нематериальных активов в пользу того или иного актора. Исследователи отмечают, что если в одних странах и регионах ЗИИ объясняется внутренними проблемами и расколами (как, например, в многокультурной и многоязычной Индии), то в других, скорее, геополитическим противостоянием различных игроков как в области развития ИИ технологий, так и в контексте экономической и политической конкуренции в различных странах и регионах. Прежде всего, речь идет о конкуренции между США и КНР. В случае этих двух государств, по мнению экспертов, взаимное недоверие приводит к преувеличению возможности применения технологии ИИ в военных целях. Взаимное непонимание и отсутствие коммуникации может исказить восприятие осведомленности о милитаризованном применении ИИ между странами и создать стимулы для гонки вооружений и беспорядочной конкуренции между Китаем и Соединенными Штатами в этой области, в результате чего обе стороны ускорят темпы и расширят сферу милитаризованных приложений ИИ в попытке развернуть новые возможности ИИ.

Как представляется, несмотря на то, что в отдельных государствах принимаются законодательные ограничения и рамки на использование технологии ИИ, этого недостаточно. Выработка правил использования ИИ с целью сокращения рисков безопасности необходима не только на национальном, но и на международном уровне, однако, как показывает практика, в современных условиях остройшей конкуренции и геополитического противостояния это становится практически невозможным. Различия между странами в их геополитическом восприятии мира, стратегиях в области ИИ и цифровизации в целом являются препятствием для создания международного сотрудничества с другими глобальными акторами для противодействия международным информационно-психологическим операциям и защиты международной информационно-психологической безопасности.

Авторы коллективной монографии «Цифровой поворот в международных отношениях» (2023) считают, что искусственный интеллект и другие технологии будущего реорганизуют мировой порядок, приводят к усилению конфликтности и турбулентности международных отношений, расширению практики информационного противоборства, гонке за технологическое лидерство, киберсувениритет и технологический суверенитет. Последний понимается исследователями как «контроль государства над стратегическими технологиями, необходимый для поддержания политической автономии» (Цифровой поворот..., 2023: 25). Борьба за место геоэкономического лидера развернулась между США и КНР, которые, с одной стороны, борются за снижение своей технологической уязвимости и технологической зависимости друг от друга, а с другой стороны, конкурируют за присоединение остальных игроков к своим технологическим платформам. В настоящее время мы наблюдаем противостояние не за разовые технологические преимущества в тех или иных странах, а за долгосрочную возможность поддерживать высокие темпы технологических инноваций в глобальном масштабе.

Рост конфликтности между крупными национальными игроками приводит к «балканизации» («расщеплению») интернета, когда отдельные государства «строят интернет... для своих». Авторы

¹ В соответствии с вступившим в силу 16 ноября 2022 года законом «О цифровых услугах», отсутствие маркировки сгенерированного контента (изображений, аудио- и видеоматериалов) онлайн-платформами и поисковыми системами влечет наложение штрафов.

предрекают дальнейшую фрагментацию глобальной сети на сегменты / зоны влияния, или киберсуверенитеты, несовместимые уже на техническом уровне (Цифровой поворот..., 2023: 53). Политическим последствием подобного раскола, по мнению Н. Цветковой, А. Сытник и Т. Гришаниной, стало и дробление дискурса о происходящих событиях на множество конкурирующих трактовок, выраженных как в текстовом, так и в аудивизуальном формате (Цифровой поворот..., 2023: 143). «Фрагментированная цифровая реальность позволяет цифровой дипломатии формировать представление о разных политических реальностях и сдерживать информационные кампании других государств или неправительственных акторов, продвигая собственную повестку, легитимизируя собственные действия и делегитимизируя действия своих противников» (Цифровой поворот..., 2023: 144).

Действия государств или групп государств по зонированию киберпространства, ограничению нежелательной информации и ценностей приводят к формированию новой цифровой политики и альянсов. Киберпространство становится местом непрерывной геополитической конкуренции (Цифровой поворот..., 2023: 147), которая особенно четко просматривается на примере целеполагания США в отношении России, Китая и Ирана.

Выводы о формировании в результате геополитического соперничества США и КНР двух экосистем делают также Е. Н. Пашенцев и В. Б. Козюлин, авторы аналитического доклада «Искусственный интеллект и геополитика» (2024). Ученые считают, что между этими системами уже развернулась конкуренция, которая приобретает форму войны платформ и стандартов, и полагают, что состязание в области интеллектуальных систем станет новым полем технологического соперничества. Отсутствие цифровых границ фактически превратило цифровое пространство в еще одно поле боя, наряду с сушей, морским и воздушным пространством и космосом. Авторы полагают, что «речь идет о конкуренции за контролируемый кусок мирового рынка, собственную валютную зону, собственную модель развития, набор ресурсов, технологий и научных компетенций, позволяющих блоку быть независимым по крайней мере в таких ключевых областях, как оборона и критическая инфраструктура» (Пашенцев и Козюлин, 2024: 16).

Мнения, что наличие в арсенале современных государств технологий искусственного интеллекта, причем как собственных технологических разработок, так и заимствованных, потенциально может повлиять на баланс сил между странами в экономической и военной сферах, придерживается также Фатима Румейт, профессор Рабатского университета Мохаммеда V (Марокко). В монографии «Artificial Intelligence and the New World Order. New weapons, New Wars and a New Balance of Power» (2024) она отмечает, что ИИ может обеспечить альтернативные решения многих проблем – от проблемы продовольственной безопасности до проблем экономического развития и развития здравоохранения. Однако злонамеренное использование ИИ создает новые проблемы. Ф. Румейт подчеркивает, что массовое использование ИИ привело к формированию нового порядка, что сопровождается эволюцией концепций, понятий, некоторых практик и явлений. Мы наблюдаем начало новой эпохи, где «ИИ влияет на геополитические дела». В новую эпоху, эпоху ИИ, баланс сил колеблется между геостратегическими интересами и интересами, связанными с глобальным управлением ИИ и гонкой за технологический суверенитет.

ИИ становится новым инструментом, используемым государствами, а также другими международными субъектами для влияния на глобальные проблемы в соответствии со своими интересами. При этом ИИ может использоваться в любом виде силы (жесткой, мягкой и умной) для достижения национальных интересов. Подчеркивая, что ИИ может использоваться и в военных действиях, и в обеспечении безопасности / кибербезопасности, и в психологической войне, Ф. Румейт рассматривает возможности и последствия использования смертоносных автономных роботов (системы вооружения, которые после активации могут выбирать и поражать цели без дальнейшего вмешательства человека-оператора), использования ИИ для разработки биологического оружия, отмечая, что злонамеренное использование ИИ может вывести изобретения в этой области из-под контроля человека, и заключая, что в настоящее время решение вопросов подотчетности и ответственности, переосмысливания международных законов и механизмов необходимо как никогда.

Новые войны за первенство в этой гонке привели к появлению таких новых понятий, как суверенитет данных, суверенитет киберпространства и технологический суверенитет. По мнению Ф. Румейт, суверенитет данных предполагает государственное регулирование данных, генерируемых на территории государства, и принятие мер по регулированию для защиты данных и гарантированию соблюдения конфиденциальности и других прав человека с учетом национального законодательства и международных прав человека. Если суверенитет киберпространства Ф. Румейт определяет как тип автономии в киберпространстве, то технологический суверенитет – как способность государства

предоставлять технологии, которые оно считает критически важными для своего благосостояния, конкурентоспособности и способности действовать, и иметь возможность разрабатывать их или получать их без односторонней структурной зависимости. Технологический суверенитет зависит от других типов суверенитета (прежде всего инновационного, научного) и является ключевым условием других типов суверенитета (экономического, сельскохозяйственного и др.). Это объясняет гонку и конкуренцию в области ИИ и технологического суверенитета. Так же как и многие другие исследователи, Ф. Румейт считает, что ИИ в настоящее время превратился в стратегический актив. Значение ИИ привело к тому, что в настоящее время баланс сил колеблется между геостратегическими интересами государств и интересами, связанными с глобальным управлением ИИ и гонкой за технологический суверенитет, победитель в которой, по мнению Ф. Румейт, будет формировать будущий экономический порядок.

Вторая проблема, которую рассматривает Ф. Румейт, – вредоносное использование ИИ. Правительства, как основные субъекты в международном обществе, вынуждены переосмыслить свою внешнюю политику и дипломатию с учетом новых вызовов, связанных с вредоносным использованием ИИ в нескольких областях: в области безопасности и защищенности систем ИИ, международной безопасности. Третья проблема, требующая пристального внимания, – распространение технологий наблюдения. Уже сейчас 51 % государств с развитой демократией используют системы наблюдения с помощью искусственного интеллекта (умные города, распознавание лиц, умная полиция). Дальнейшее распространение этих технологий, как считает Румейт, является угрозой демократическим нормам и принципам.

Отдельная глава исследования Ф. Румейт посвящена использованию ИИ в информационных войнах. Автор отмечает, что ИИ меняет характер информационных и психологических войн. В эпоху искусственного интеллекта мы можем увидеть новый вид психологической войны, который сочетает в себе силу передовых технологий и силу знаний и информации. На примере психологической войны США в Венесуэле автор делает вывод, что злонамеренное использование ИИ, фейковые новости и дезинформация дают врагу важные результаты, когда они используются во время экономического кризиса, в условиях, когда население страдает от бедности, и тем более, когда в стране нет сильных СМИ, способных противостоять пропаганде, исходящей от врага. ЗИИИ рассматривается как новое и более дешевое оружие. СМИ и ЗИИ используются против страны как инструмент вмешательства во внутренние дела государства, что является нарушением международного права. Это означает, что необходимо переосмыслить международное право и национальные законы относительно СМИ, поскольку необходимо подумать о новой хартии этики в СМИ в век искусственного интеллекта.

Таким образом, исследователи сходятся в том, что искусственный интеллект обладает огромным потенциалом, в то же время новые технологии создают многогранные проблемы. Развитие технологии ИИ требует выработки единого понятийного аппарата, наднационального регулирования, консолидации подходов всех государств и серьезного пересмотра международных норм (в области конфиденциальности личных данных, национальной безопасности, военного использования ИИ и др.). Однако в силу различающихся экономических и политических интересов, жесткой конкуренции между мировыми игроками достижение мирового консенсуса по этике и законодательству в области искусственного интеллекта является большой проблемой.

Список литературы / References

- Зиновьева, Е. С. (ред.) (2024) «Цифра» и искусственный интеллект на службе дипломатии: аналитический доклад, Н. А. Цветкова, Э. Л. Сидоренко. М.: МГИМО-Университет [Zinov'eva, E. S. (ed.) (2024) “Digital” and artificial intelligence in the service of diplomacy: analytical report [“Cifra” i iskusstvennyj intellekt na sluzhbe diplomatii: analiticheskij doklad]. Moscow: MGIMO-university (In Russ.)].
- Пашенцев, Е. Н., Козюлин, В. Б. (2024) Искусственный интеллект и geopolитика: доклад. Москва: ДА МИД России.
- [Pashencev, E. N., Kozjulin, V. B. (2024) Artificial Intelligence and Geopolitics: Report [Iskusstvennyj intellekt i geopolitika: doklad]. Moskow: DA MFA Russia. (In Russ.)].
- Сучков, М. А., Болгова, И. В. (ред.) (2023) Цифровой поворот в международных отношениях: как новые технологии меняют мировую политику и науку о ней: монография. М.: МГИМО-Университет [Suchkov, M. A., Bolgova, I. V. (eds.) (2023) *The Digital Turn in International Relations: How New Technologies*

- Are Changing World Politics and the Science of It* [Cifrovoj poverot v mezhdu-narodnyh otnoshenijah: kak novye tehnologii menjajut mirovuju politiku i nauku o nej: monografija]. Moscow: MGIMO-university (In Russ)].
- Bjola, C., Manor, I. (2024) *First contact: integrating generative AI into digital diplomatic intelligence*. Place Brand Public Dipl (2024). DOI: 10.1057/s41254-024-00333-w EDN: UPBJKN
- Dafoe, A. (2018) *AI governance: A research agenda*. Centre for the Governance of AI. [online]. URL: <https://www.fhi.ox.ac.uk/wp-content/uploads/GovAI-Agenda.pdf>. (Accessed: 18.01.2024).
- The Oxford Handbook of AI Governance* (2024). Oxford University Press. 1077 p.
- Kukeyeva, F., Kurmangali, M., & Aktay, D. (2024) 'Theoretical and Methodological Approaches to Studying Artificial Intelligence in the Context of International Relations and International Law', *Journal of central asian studies*, 93(1), pp. 4–1. DOI: 10.52536/3006-807X.2024-1.01 EDN: GRGUWU
- Levy, F. S. (2018) 'Computers and populism: Artificial intelligence, jobs and politics in the near term', *Oxford Review of Economic Policy*, 34 (3), pp. 393–417. DOI: 10.1093/oxrep/gry004
- Makridakis, S. (2017) 'The Forthcoming Artificial Intelligence (AI) Revolution: Its Impact on Society and Firms', *Futures*, 90, pp. 46–60.
- Ndzendze, Bh., Marwala, Tsh. (2023) *Artificial Intelligence and International Relations Theories*. Singapore: Palgrave Macmillan. DOI: 10.1007/978-981-19-4877-0
- Pashencev, E. N. (eds.) (2023) *The Palgrave Handbook of Malicious Use of AI and Psychological Security*. Cham: Palgrave Macmillan.
- Roumate, F. (eds.) (2021) *Artificial Intelligence and Digital Diplomacy: Challenges and Opportunities*. Cham: Springer. DOI: 10.1007/978-3-030-68647-5
- Roumate, F. (eds.) (2024) *Artificial Intelligence and the New World Order. New weapons, New Wars and a New Balance of Power*. Springer Cham. DOI: 10.1007/978-3-031-50312-2

Статья поступила в редакцию: 08.10.2024

Статья принята к печати: 15.01.2025

AI TECHNOLOGIES: INTERNATIONAL POLITICAL EFFECTS, THREATS, AND CONSEQUENCES

G. Sufiyanova

Gulnur Sufiyanova, Candidate of Science (History), Associate Professor of the Department of International Relations, Regional Studies and Tourism, University of Tyumen, Russia.

E-mail: g.r.sufiyanova@utmn.ru (ORCID: 0000-0002-9020-7771).

Abstract

Information and communication technologies (ICT) have objectively become the transforming factor in the development of the economy, politics, security, and international relations. Nowadays, the world community pays close attention to Artificial Intelligence (AI) technologies. In light of modern technological advances in artificial intelligence, researchers are more focused on identifying the impact of AI technology on states' domestic and foreign policies, international relations, and world politics. Moreover, they are interested in the possibilities and consequences of AI's application as a new tool. While most of the earlier studies tended to focus on the technological side, the last few years saw the emergence of many publications within specific scientific disciplines where the influence of artificial intelligence is possible. The purpose of this article is to review academic research in which the authors question what international political consequences and threats AI technologies are already leading to and will lead to in the future. Publications written in 2023-2024 are analyzed, in which AI technologies are not considered through a technological prism, but through a political one. This review article uses the comparative narrative method to analyze the literature.

Keywords: artificial intelligence; digital sovereignty; technological sovereignty; data sovereignty; malicious use of AI; big data; digital warfare; information and communication technologies (ICT).